

УДК 330.34.01, 336.143

КРИЗИС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И КОНЦЕПЦИЯ «РАССЕЯННОГО ЗНАНИЯ» Ф. ХАЙЕКА

© 2013 г. **И.В. Ногаев***

*Из всех недавно лопнувших экономических пузырей
громче всех лопнула репутация экономической теории
The Economist. 16 07.2009*

В данной статье рассматривается идея экономического прагматизма и предпринимается попытка доказать, что концепция «рассеянного знания» Ф. Хайека несостоятельна, более того, она является одним из тех интеллектуальных препятствий, которое заставляет экономическую теорию следовать по ложному пути и тем самым косвенно подпитывает нынешний кризис реальной экономики. В статье подробно разбирается сделанное У. Джеймсом опровержение положений Д. Юма, на которые опирается Ф. Хайек. Данный подход ранее в экономической науке не рассматривался.

Ключевые слова: «рассеянное знание», Ф. фон Хайек, У. Джеймс

Основой современного экономического мейнстрима является идея о превосходстве рынка, одним из «отцов» которой считается Фридрих Август фон Хайек (1899–1992 гг.), получивший в 1974 г. совместно с Гуннаром Мюрдалем Нобелевскую премию «за основополагающие работы по теории денег и экономических колебаний и глубокий анализ взаимозависимости экономических, социальных и институциональных явлений». Несмотря на то, что в защиту рынка огромный вклад внесли и другие экономисты, именно Ф. Хайек попытался философски аргументировано обосновать идею о превосходстве рыночной экономики.

В основу идеи о превосходстве рынка Ф. Хайек положил концепцию «рассеянного знания», опирающуюся, в свою очередь, на идею «спонтанного» порядка. Хайек сформулировал фундаментальный вывод, что только «спонтанное» устройство экономики, т.е. только рыночная экономика может генерировать новые знания.

Для философского обоснования своего тезиса Хайек использовал идеи шотландского философа Дэвида Юма (1711–1776 гг.). Отправной точкой доказательства Хайека послужило на первый взгляд далёкое от экономической теории замечание Д. Юма о том, что «правила морали... не являются заключениями нашего разума» [39, с. 604] (в дальнейшем понятие «мораль» будет

---

* **НОГАЕВ Игорь Викторович.** E-mail: igornogaev@gmail.com

рассмотрено подробнее). Отталкиваясь от этого, казалось бы, совсем отвле- чённого утверждения, Хайек делает вывод: «Мы вынуждены сохранять капи- тализм, поскольку он обладает наивысшей способностью использовать рассе- янное знание» и ставит перед собой задачу «показать, что социализм – одно из наиболее влиятельных политических движений нашего времени – основы- вается на явно ложных посылах».

Подхватив идею Юма и перенеся её в экономическую теорию, Ф. Хайек постарался с философских позиций доказать, что преимущественно рыночный капитализм способен генерировать новые знания – этот вывод сторонники мейнстрима до сих пор абсолютизируют и считают единственно верным. Кон- цепция «рассеянного знания» в интерпретации Ф. Хайека до сих пор выполня- ет функцию интеллектуального тарана, который должен выбивать почву из- под ног противников капитализма и критиков идеи превосходства рынка, если те вдруг вздумают поколебать мейнстримовские основы.

Концепция «рассеянного знания» в интерпретации Ф. Хайека – это крае- угольный камень той парадигмы научно-технического развития, которая харак- терна для последних трёх десятилетий. Будучи воспринята как непререкаемая истина, концепция Ф. Хайека никем не ставится под сомнение. Вследствие этого в интеллектуальной среде сложилась парадоксальная ситуация: всякий раз, когда спор переходит на философский уровень – а это аксиоматический базис экономической теории, – даже самые яростные критики капитализма, неоли- берализма и абсолютного превосходства рынка, вынуждены соглашаться с Хайеком. В интеллектуальном споре Хайек всегда выходил победителем. По- чему так происходило? Потому что противники мейнстрима и абсолютного превосходства капитализма, несмотря на обилие критических исследований, до сих пор не смогли выдвинуть какие-либо новые идеи, способные фундамен- тально и основательно опровергнуть аргументацию Ф. Хайека.

В данной статье сначала будет рассмотрена концепция «рассеянного зна- ния» Ф. Хайека, а затем – идея Д. Юма, на которую Хайек опирался. После этого будет показано, что идея Д. Юма уже была опровергнута основателем прагматизма У. Джеймсом (но сторонники Хайека об этом опровержении не упоминают). Отсюда вытекает логичный вывод: если ошибочна первоначаль- ная идея Д. Юма, то ошибочно и следствие – т.е. идея Хайека об абсолютном превосходстве капитализма и рынка не имеет под собой твёрдого и надёжного обоснования. Ошибочность идеи Хайека будет показана на конкретных приме- рах, взятых из истории развития атомной, компьютерной и космической про- мышленностей. Ведь вопреки широко распространённому мнению, эти отрасли не были порождены рынком, который пришёл в эти сферы позднее, но именно рынку достались все лавры.

План статьи таков: в первом разделе мы покажем, что нынешний кризис подточил основы мейнстрима в экономической теории. Во втором разделе мы увидим, что одной из причин кризиса экономической теории является кризис современной западной философии. В последующих разделах статьи будут рассмотрены концепции Ф. Хайека и Д. Юма, а затем – критика идей послед- него У. Джеймсом. Вывод о том, что рынок не был инициатором создания са- мых крупных достижений человечества – атомной, компьютерной и космиче- ской отраслей – будет проиллюстрирован в последнем разделе.

Глобальный экономический кризис и экономическая теория

Глобальный финансовый кризис, начавшийся в 2008 г. и отнюдь не закончившийся, нанёс мощный удар по мировой экономике. В последние годы экономика развитых стран мира испытывает сильные колебания, замедление темпов экономического роста, безработицу и снижение уровня жизни. Нынешний кризис начался как долговой, затем поразил финансовый сектор, и, наконец, перекинулся на реальную экономику, и, несмотря на оптимистичные заявления, его последствия не преодолены по сей день.

Нынешний экономический кризис – это проявление уже давно наметившейся тенденции. Так, в 1960-х совокупные темпы экономического роста стран Запада составили +3,5%, а в 1970-е снизились до +2,4%. Показатели темпов роста в 1980-х составили +1,4%, в 1990-х – +1,1%, а в 2000-х годах темпы роста едва превысили +1%. Подобные неутешительные результаты последних 30 лет часть экономистов связывает с проводимой в течение этого времени политикой неолиберализации [31, с. 206]. Правда, некоторые экономисты называют нынешние события в мировой экономике обычным циклическим спадом, являющимся предвестником неизбежного подъёма. Однако по мере ухудшения ситуации подобная точка зрения находит всё меньше и меньше сторонников.

Помимо удара по реальной экономике, мировой экономический кризис нанёс тяжёлый урон и экономической теории, заставив глубоко задуматься над самой природой кризиса. В этой связи интересно обратить внимание на эволюцию понимания сути нынешнего кризиса: так, если в 2008 г. кризис называли преимущественно «финансовым», то к настоящему моменту уже начинают преобладать эпитеты «фундаментальный» и «системный». Ситуация напоминает времена «Великой депрессии», которую тоже поначалу считали биржевым кризисом, но позднее пришло осознание того, что кризис был системным.

После 2008 г. появилось большое количество работ, посвящённых теме кризиса экономической теории. В большинстве статей авторы переосмысливают основы экономической теории, пытаются заложить новый идейный фундамент, и многие – вольно или невольно – отходят от идеализации капитализма, более не признают его самым совершенным общественным строем. Часть экономистов напрямую называет нынешний кризис системным, имеющим пугающее сходство с тем, что происходило в капиталистических странах в 30-е годы XX века: «Пора начать называть вещи своими именами и признать, что мы имеем дело с депрессией – утверждает П. Кругман. – Конечно, полного повторения «Великой депрессии» пока не видно, но это слабое утешение» [46, 12.12.2011].

Учёные-экономисты начинают смотреть на капитализм с меньшим догматизмом. Так, если в начале 1990-х годов Ф. Фукуяма победно возвещал о «конце истории» и торжестве идей рынка и капитализма, то в начале 2012 г. он же опубликовал статью под названием «Будущее истории» [41], в которой сделал прямо противоположное заявление: «И глобальный финансовый кризис, начавшийся в 2008 г., и текущий кризис евро стали следствием функционирования модели слабо регулируемого финансового капитализма, которая сформировалась за последние 30 лет». По мнению Фукуямы, это произошло из-за «провала в сфере идей» (сюда относится и скудость идей в области экономической теории).

В одном из номеров американского журнала «Тайм» в апреле 2010 г., т.е. в самый разгар кризиса появилась статья шеф-редактора «Гарвард бизнес ревью» Дж. Фокса под заголовком «Что бы сказал Адам Смит?» [40], в которой автор предложил отказаться от хрестоматийного представления об А. Смите как о ярком защитнике рынка. По мнению Дж. Фокса, Адам Смит верил не только в свободный рынок, но и в государственное регулирование. По мнению Фокса, нынешние экономические потрясения наступили из-за того, что «некоторые из самозванных последователей [А. Смита – *И.Н.*] чудовищно исказили его мысли», слишком прямолинейно истолковав его идеи.

Нужно всегда помнить, что А. Смит (как и Д. Юм) жил в XVIII веке – веке Просвещения и Французской революции, и поэтому применять подходы великого экономиста к современному миру нужно с величайшей осторожностью. Мы, действительно, не можем знать, что бы сказал А. Смит, если бы жил в начале XXI века. Но как предполагает Дж. Фокс, Адам Смит, «конечно же, не стал бы возражать против государственного вмешательства в рыночные отношения» [40].

К мнению Дж. Фокса присоединяется нобелевский лауреат по экономике А. Сен, заявивший, что «Смит не считал рыночный механизм абсолютным идеалом. Не говорил он и о том, что имеет значение лишь мотив личной выгоды». Более того, по мнению А. Сена, «Смит с поразительной пронизательностью выявил пагубное влияние тех, кого он называл “расточителями и спекулянтами”. Сегодня в свете кризиса в финансовом мире, такой анализ приобретает колоссальное значение» [23, с. 27].

Таким образом, мы видим явную переоценку ценностей, в частности – категорий «частное» и «общественное». Приходит осознание того, что – как утверждал ещё А. Шлезингер-мл. в «Циклах американской истории» – частные интересы «также порождают противоречия». Загнанные внутрь проблемы начинают обостряться, грозя стать неразрешимыми, и требуют вмешательства, «пока, наконец, что-то играющее роль детонатора – какая-либо проблема, грандиозная по масштабам и по степени опасности и которую не способна разрешить невидимая рука рынка, – не приведёт к прорыву в новую эпоху» [35, с.49]. В нашем случае детонатором стал финансовый кризис 2008 года.

По мере нарастания экономического кризиса сторонники идеи «превосходства рынка» стали подвергаться всё более острой критике. В этой связи показателен спор нобелевского лауреата П. Кругмана с профессором Чикагского университета Дж. Кохрейном. 2 сентября 2009 г. в газете «Нью-Йорк таймс» была опубликована статья П. Кругмана «Почему экономическая наука бессильна?» [46, 12.12.2011], в которой постулируется беспомощность экономической науки перед экономическим кризисом 2008–2009 гг., для преодоления которого экономисты не только не дали никаких рецептов, но и не смогли ответить на главный вопрос – как же получилось, что проверенные временем рыночные теории могли дать сбой? В доказательство своей правоты Кругман процитировал А. Гринспена, который в разгар экономического кризиса пришёл в замешательство, оказавшись «не в силах поверить», что «всё здание его интеллектуальных воззрений рухнуло». Экономисты, утверждает Кругман, поверили в то, что кризисов больше не будет, а основная задача предотвращения депрессий – решена. Неделю спустя последовал ответ профессора Чикагского университета Дж. Кохрейна, в котором автор попытался

отбить атаку Кругмана. Полемика Кругмана с Кохрейном и возникший по этому поводу резонанс ещё раз говорят о нестабильности экономической науки.

Число тех, кто оказался недоволен господствующим положением мейнстрима в экономической теории, постоянно растёт. Показателен такой эпизод: студенты Гарвардского университета, которым курс лекций по экономике читал профессор Грегори Мэнкью, в знак несогласия с его взглядами ушли с занятий, объяснив это в открытом письме тем, что его лекционный курс «не отражает реалий и не даёт базы для понимания экономических основ жизни общества и социальных проблем» [15]. В своём письме студенты заявили: «Нам прочитан курс, демонстрирующий специфический и ограниченный взгляд на экономику, который, мы считаем, увековечивает проблематичную и неэффективную систему экономического неравенства в нашем обществе, существующую в настоящее время» [39].

Даже бастион классического либерализма и фритрейдерства – журнал «Экономист» – в самый разгар кризиса, в номере от 16 июля 2009 г., поместил на обложке карикатуру, изображающую тающий будто мороженое в жару учебник по современной экономической теории. В передовой статье под красноречивым заголовком «Почему экономическая наука перестала работать?» говорится о бессилии современной экономической теории перед лицом кризиса: «Из всех недавно лопнувших экономических пузырей, громче всех лопнула репутация экономической теории».

Критический взгляд на капитализм продемонстрировала и британская газета «Файнэншел таймс», которая начиная с 2012 г. стала публиковать серийные материалы под общими заголовками «Будущее капитализма» и «Капитализм в кризисе». Общий вывод, который делается в опубликованных статьях, такой: капитализм оказался в кризисе, так как явился причиной социального неравенства. Более того, капитализм не стоит на защите моральных ценностей.

В современный капитализм не верит и председатель Давосского форума Клаус Шваб, считающий, что капиталистическая система в её нынешней форме не вписывается в модель современного мира. По его мнению, ошибки политиков и общества в целом привели к финансовому кризису, истинные причины которого – превышение норм дозволенного в финансовой системе.

Одновременно с началом мирового кризиса начались поиски виноватого. Так, нобелевский лауреат по экономике Эрик Маскин в одном из интервью стал оправдывать экономическую теорию, которая, по его словам, не виновата: «Я не принимаю критику, согласно которой экономическая теория не сумела предложить модель для понимания текущего кризиса». По мнению Маскина, критики заслуживает не экономическая теория, а тот тип экономического мышления, которое проповедовал А. Гринспен [46, 20.09.2002]. Этой же точки зрения придерживается профессор Стэнфордского университета Джон Тейлор, а также Рагхурам Раджан (он стал известен в 2005 г., когда, будучи ведущим экономистом Международного валютного фонда, в открытую заявил о надвигающемся кризисе в банковской сфере и подверг критике политику А. Гринспена во время церемонии его ухода с поста председателя ФРС США).

Однако считать А. Гринспена главной причиной кризиса было бы слишком примитивно, ведь бывший глава ФРС являлся, скорее, техническим исполнителем, пропитанным теми экономическими воззрениями, которые были сформированы не им, а экономистами-теоретиками. Задача Гринспена состояла

лишь в том, чтобы осуществлять оперативное руководство ФРС, претворяя в жизнь идеи, созданные идеологами мейнстрима.

Пытаясь обуздать мировой экономический кризис, экономисты предлагают новые идеи. Но, как правило, это переиначенные старые идеи, например, институционализм [3], кейнсианство (последнее удивляет, так как в своё время в результате «неоконсервативной контрреволюции 1970–1980 годов» было сделано всё возможное, чтобы изгнать «кейнсианского демона» [33]) и даже марксизм (в последние годы Запад переживает ренессанс марксизма и продажи «Капитала» К. Маркса постоянно растут [43]). Любопытный факт: в 2012 г. портрет К. Маркса украсил немецкую кредитную карту «Мастеркард» (*MasterCard*), выпущенную банком «Спаркассе» (*Sparkasse*) в Хемнице – бывшем Карл-Маркс-Штадте. В ряде статей содержатся резкие оценки текущего состояния экономической теории [6; 10; 11; 19; 20; 25; 32; 42]. Авторы в основном согласны с тем, что экономическая теория находится в явном тупике. Типичное мнение экономистов о несостоятельности современной экономической науки можно найти, к примеру, в статье Ж.Ф. Бушо «Экономическая теория нуждается в научной революции», опубликованной в журнале «Нэйчур» (*Nature*), в которой он доказывает, что нынешняя экономическая наука не способна критически воспринять действительность [23].

Таким образом, мы видим, что в периоды кризисов роль экономической науки возрастает как никогда, поскольку корни любого кризиса надо искать в экономической теории. Однако любая теория покоится на более глубоком основании – философском. Но и в области философии наблюдается безрадостная картина.

Кризис философии и кризис экономической теории

Философские вопросы всегда были тем фундаментом, на который постоянно опиралась экономическая теория [1]. Поэтому текущий кризис является отражением ещё более глубокого кризиса – кризиса философии. В более широком смысле экономический кризис связывают с идеологическим, в частности с гибелью европейского идеала, европейских ценностей (об этом, например, в разгар кризиса забил тревогу немецкий философ Юрген Хабермас [42]).

В настоящее время ведущей философской державой (в западном понимании) являются США. Но и здесь в философской мысли наблюдаются, судя по всему, застойные явления, возникшие вследствие преобладания в университетской среде США аналитической философии, «совершившей триумфальное шествие по американским университетам после Второй мировой войны» и оказавшей «разрушительное воздействие» на собственно американскую интеллектуальную традицию [12, с.34]. В настоящее время «американская философия находится в периоде затишья, полного размышлений о нынешней философской ситуации в Америке, на Западе и на меняющемся Востоке». Во многих областях нынешней философии не хватает крупных прорывных идей, о чём, в частности, заявил один из крупных современных философов Я. Хинтика [30].

Критика в адрес философии раздаётся не только из рядов профессиональных философов. Претензии философов на свою избранность и элитарность стали раздражать многих. Например, хорошо известна позиция лауреата Нобелевской премии по физике С. Вайнберга, который подверг нынешнюю за-

падную философию резкой критике, заявив о ее «непостижимой неэффективности» [5, с. 133].

Почему же нынешняя философия оказалась не столь эффективной, как ожидали? На этот счёт существуют разные мнения. Некоторые философы видят ответ, например, в следующем: та философская модель, в рамках которой развивалось человечество в течение двух последних столетий, исчерпала себя. Так, ещё в середине XX века один из ведущих американских философов С. Лангер утверждала, что фундаментальные мировоззренческие идеи XVII века, на которых в значительной мере базируется европейская наука и культура, «отслужили свой срок», причём «трудности, присущие составляющим их понятиям, теперь мешают», а «парадоксы этих идей засоряют наше мышление» [13, с. 17–18].

Таким образом, получается, что в настоящее время кризис экономики развивается на фоне смены философских эпох; старые философские представления уже не способны в полной мере удовлетворить потребности экономической теории и точных наук, а новые ещё не нашли свою нишу. Появлению новых идей в экономической теории мешает доминирующий интеллектуальный фон и преобладающая философская традиция, на базе которой возведены принципы нынешней экономической теории, в частности современного экономического мейнстрима, опирающегося на устаревшие идеи Д. Юма и Ф. Хайека, в этом то и заключается причина того, что современная экономическая теория оторвалась от реальности.

Очевидно, что современный философский фундамент экономической науки дал трещину. Он пока что не разрушился, однако постепенно теряет прочность. В результате, по мнению российского экономиста М. Хазина, та парадигма научно-технического развития, которая обеспечивала выживаемость современного капитализма на протяжении последних 30 лет, себя исчерпала [31]. И доказательством этому как раз служит нынешний мировой кризис. Что же необходимо предпринять?

По мнению М. Хазина, надо создать новую интеллектуальную площадку – не просто новую, но принципиально новую, на иных философских основаниях. Для того чтобы найти решение такой глобальной проблемы, с которой сегодня столкнулся капитализм, нужно, прежде всего, описать его не «изнутри», а «снаружи», не языком ныне существующей экономической теории, а иным принципиально новым философским языком. В противном случае все теоретические изыскания экономистов, все их многочисленные работы, посвящённые кризису и поискам выхода из него, так и останутся благими пожеланиями.

Однако прежде чем заложить новый экономический фундамент, нам необходимо понять, на каких философских основаниях возведена ныне существующая экономическая теория – так называемый мейнстрим. Вначале мы определим, какие течения экономической теории следует отнести к экономическому мейнстриму.

Что такое современный мейнстрим в экономической теории?

Ответ на данный вопрос непросто. Скажем сразу, что проблема мейнстрима, при кажущейся очевидности, сложна и требует отдельного исследования. Так,

согласно наиболее подробной классификации, предложенной А. Худокормовым [31], к мейнстриму относятся:

1) неоинституционализм Р. Коуза (это направление следует отличать от классического институционализма Т. Веблена, несмотря на общее название «институционализм»);

2) ортодоксальное (правое) кейнсианство («неоклассический синтез»);

3) неоклассика (включая монетаризм и др.);

4) ультралиберализм австрийской школы.

Добавим, что, помимо указанных выше течений, к мейнстриму можно отнести и другие течения; здесь, прежде всего, следует назвать идеи Й. Шумпетера (шумпетерианство).

Зачастую в российской традиции к мейнстриму в экономической теории применяют эпитет «либеральный» или «неолиберальный». При этом, по справедливому замечанию известного российского переводчика П.Р. Палажченко, «слово “либеральный” нужно использовать с большой осторожностью, поскольку понятие либерализма по-разному трактуется в Европе и Америке» [8, с. 203] Так, в Европе термину «*liberal*» (либеральный) в применении к экономике соответствуют синонимы «*unregulated*» и «*deregulated*» (нерегулируемый). «*Economic liberal*» (экономический либерал) – это сторонник минимального вмешательства государства в экономику. Перевод понятий «*Liberal economics*» (либеральная экономика) и «*liberal economic reforms*» (экономические либеральные реформы) близок к тому, что в Великобритании называют «*Thatcherism*» (тэтчеризм) – приватизация, ограничение государственных социальных программ и экономического регулирования. По мнению Палажченко, для европейца слова «*liberal*» (либеральный) и «*liberalism*» (либерализм) не несут никакой оценки – ни положительной, ни отрицательной. [8, с. 203–204].

В США ситуация другая. По мнению У. Сэфайра, «*liberal*» (либерал) – это тот, кто выступает в пользу большего вмешательства государства в экономику, хотя первоначальное значение этого слова было противоположным. «В XX веке американские либералы делали упор на решении таких проблем, как гражданские права негров, борьба с бедностью, регулирование экономических процессов с целью избежать кризисов типа «Великой депрессии» 1930-х годов. Инструментом для их решения были различные государственные программы, что противоречило традиционной либеральной политико-экономической доктрине. Но в 1980-е годы американский либерализм вышел из моды, более того – само это слово стало сейчас чуть ли не бранным в американском политическом лексиконе. Поэтому американские авторы, как правило, уточняют, о каком либерализме идёт речь» [8, с. 203–204].

Именно поэтому со словом «*liberal*» (либеральный) нужно быть крайне осторожным. Когда российский экономист говорит, что «либерализм не решает всех экономических проблем», то американцы, возможно, ему поаплодируют, но скорее всего поймут его неправильно. В данном случае «либерализм» надо перевести как «*laissez-faire economics*» [8, с. 203–204]. В XIX веке мы вообще сталкиваемся с непривычными для нас формулировками, вроде таких: «у либералов и демократов существенно различны коренные желания, основные побуждения», «либералы почти всегда враждебны демократам и почти никогда не бывают радикалами» [2].

Теперь зададим следующий вопрос: какая философская идея заложена в фундамент экономического мейнстрима? Это идея рынка, и не просто рынка, а идея превосходства рынка. На каких базовых аксиомах эта идея покоится и кто из экономистов наиболее фундаментально её обосновал?

Фридрих фон Хайек – апологет экономического мейнстрима

Среди творцов мейнстрима необходимо выбрать не просто экономиста, но экономического философа – того, кто наиболее глубоко погружался в философские вопросы и тяготел к решению не тактических, а, скорее, стратегических вопросов экономической теории. Наибольшего внимания среди идей, лежащих в основе концепции рыночной экономики, заслуживают те, которые отстаивал нобелевский лауреат Ф. Хайек. Именно у Хайека мы находим философское, одно из наиболее полных и подробных обоснований идеи превосходства рынка. Не случайно апологетика рыночной экономики во многом опирается на труды Ф. Хайека.

Основные философские подходы Ф. Хайека отражены в его сочинениях «Дорога к рабству» (1944 г.), «Индивидуализм и экономический порядок» (1948 г.), «Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом» (1952 г.), «Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма» (1988 г.), «Судьбы либерализма в XX веке» (1991 г.).

В отличие от остальных представителей мейнстрима, именно Ф. Хайек больше всех тяготел к философским аспектам экономической теории. Для его работ характерен углублённый взгляд на экономическую действительность. Именно по этой причине Хайека следует по праву считать не просто экономистом, а философом экономического мейнстрима. Он был одним из тех видных интеллектуалов, которые стояли у истоков неолиберального поворота в экономической теории, наметившегося в 1970-х годах и породившего ту экономическую систему, которая-то и привела к мировому кризису. Именно Хайек ещё в 1930–1940-е годы нанес мощный удар по философским конструкциям своих оппонентов – а именно по идеям социализма и государственного регулирования экономики, «подпилил» их идеологические основы. Хайек также был и одним из основателей Общества «Мон Пелерин» (*Mont Pelerin*) (1947 г.), созданного в поддержку свободного рынка и политических ценностей открытого общества. Хайек не просто повлиял на экономическую политику, но заложил основы неолиберального мышления и того самого философского языка, который существует в рамках капитализма для описания нынешней экономики. Вот почему именно наследие Хайека, как никого другого, представляет первостепенный интерес для исследования.

Главным своим открытием Хайек считал формулировку концепции «рассеянного знания» (*dispersed / partial knowledge*). Суть её сводится к следующему: основное знание «рассеяно» среди людей, при этом каждый обладает лишь его частицей. Из этого, по Хайеку, следует, что невозможно выработать объективную всеобъемлющую картину мира и экономики, поскольку информация, имеющаяся у любого члена общества о системе, неполная.

По мнению Ф. Хайека, единственным механизмом, который способен собрать воедино «рассеянное знание» и пустить его на благо общества, является

рынок. Никакая другая система, кроме рыночной, сделать этого не в состоянии – данный вывод и является фундаментом сегодняшнего мейнстрима. Ниже будет показано, что этот вывод ошибочен: заблуждение Ф. Хайека состояло в том, что он абсолютизировал концепцию «рассеянного знания», посчитав, что она универсальна и применима всегда и во всех случаях.

Взгляды Ф. Хайека были подхвачены экономистами, проповедовавшими идею превосходства рынка, и стали активно насаждаться в экономической теории, особенно в последние 30–40 лет. Почему же концепция «рассеянного знания» столь дорога сегодняшнему мейнстриму?

Роль концепции «рассеянного знания» в мейнстриме современной экономической теории

Повторим, что концепция «рассеянного знания», предложенная Ф. Хайеком, является одним из столпов нынешнего мейнстрима; с её помощью экономисты-либералы обосновывают идею превосходства рынка. В то же время критики мейнстрима как-то обходят эту концепцию стороной и не решаются на неё нападать, потому что она настолько основательно разработана и обоснована, что воспринимается как аксиома, не требующая доказательств.

Суть концепции «рассеянного знания» Ф. Хайек изложил в статьях «Экономическая теория и знание» (1936 г.) и «Использование знания в обществе» (1945 г.) [14, с. xii]. Проследим логику этой концепции.

Логика концепции «рассеянного знания» по Ф. Хайеку

Согласно Ф. Хайеку [26; 27], в обществе существует масса «неорганизованно-рассеянного знания», которое «рассеяно» среди множества отдельных людей и не может принадлежать какому-либо одному человеку. Почему? Потому что человеческое знание по определению ограничено (грубо говоря, ни одному человеку не доступен весь объём информации, накопленный человечеством). «Хайек отвергает возможность наличия у каждого индивида полной информации – знание неизбежно фрагментарно» [8, с. 27]. «Знание обстоятельств, которым мы должны пользоваться, – пишет сам Хайек, – никогда не существует в концентрированной или интегрированной форме, но только в виде рассеянных частиц неполных и зачастую противоречивых знаний, которыми обладают все отдельные индивиды» [27, с. 94]. Как следствие этой ситуации Хайек ставит важнейший для экономической теории вопрос «о наилучшем способе использования знания, изначально рассеянного среди всего множества людей» [27, с. 95], напрямую связывая его с построением эффективной экономической системы.

Каким же образом можно соединить все отдельные частички «рассеянных» знаний, расплывённых среди миллионов независимых друг от друга людей? Для этой цели надо эти знания объединить с помощью «планирования» (ниже мы увидим, что Хайек понимал это слово по-особому). Принципиальный вопрос: «Кто должен осуществлять планирование?» [27, с. 94] По мнению Хайека, «спор ведётся не о том, нужно планирование или нет», а о том, «должно ли планирование осуществляться централизованно, единой властью для всего общества в целом, или его надо разделить между многими индивидами?» Как видим, Хайек разделяет планирование на «централизованное» и «децентрали-

зованное». Какое из этих двух видов планирования более эффективно? Таким, по мнению Хайека, является децентрализованное планирование – то есть планирование, осуществляемое множеством отдельных лиц при помощи конкуренции [27, с. 94] и рыночного механизма.

Далее Хайек задаёт ещё один принципиально важный вопрос: какая из систем более эффективна – система, в которой преобладает централизованное планирование, или же та, где преобладает планирование децентрализованное, рыночное? От какой из этих систем мы можем ожидать более полного использования существующего знания? По мнению Хайека, ответ на этот вопрос «в свою очередь, зависит от того, в каком случае у нас больше шансов преуспеть – при передаче всего знания... в распоряжение единой центральной власти или при передаче индивидам того дополнительного знания, которое требуется им, чтобы согласовать свои планы с планами других людей» [27, с. 94] – иными словами, мы должны сделать выбор между централизованным планированием и рыночным. Сам Хайек отдавал предпочтение рыночному планированию.

По мнению Хайека, ведущая роль в формировании и распространении оперативных знаний об экономической ситуации принадлежит рыночному механизму, который через систему цен и прочие рычаги информирует о том, **что, где, как и когда** производить, покупать и продавать, и тем самым обеспечивает координацию действий участников рынка. Хайек рассматривает рынок в качестве своеобразного информационного механизма, обеспечивающего получение не фрагментарного, а системного знания об экономике.

После того, как мы ознакомились с логикой «рассеянного знания», необходимо рассмотреть: что лежит в основе этой концепции?

Конфликт между «спонтанным» и «сознательным» порядком экономики

В основе концепции «рассеянного знания» лежит идея «спонтанного порядка» (*spontaneous order*). На неё стали обращать пристальное внимание ещё в 70-е годы XX века, причём главным проповедником этой концепции уже тогда считался именно Ф. Хайек [44]. Идея «спонтанного порядка» – это одно из фундаментальных философских понятий мейнстрима. Можно долго нападать на мейнстрим, критикуя несовершенство рынка, его несправедливость, но без критики идеи «спонтанного порядка» и «рассеянного знания» вся критика мейнстрима окажется малоэффективной.

По мнению Хайека, существуют две фундаментальные разновидности порядка устройства экономики: «спонтанный» и «сознательный». Хайек является сторонником «спонтанного» порядка. По его мнению, «конфликт между сторонами (с одной стороны) спонтанного расширенного человеческого порядка, создаваемого рыночной конкуренцией, и теми (с другой стороны), кто выступает за сознательную организацию человеческих взаимоотношений центральной властью, опирающейся на коллективное распоряжение имеющимися ресурсами, вытекает из фактической ошибки последних в понимании того, как возникают и используются знания об этих ресурсах». Попутно заметим, что в данном утверждении Хайек с самого начала делает принципиальную ошибку: он считает, что между двумя названными подходами – «спонтанным» и «сознательным» – существует конфликт. Однако такая точка зрения

ошибочна, поскольку никакого конфликта между «спонтанной» и «сознательной» организацией экономической жизни вовсе не существует, так как оба подхода друг друга дополняют: у «спонтанного порядка» – своя область применения, у «сознательной организации» – своя.

Говоря о конфликте между «спонтанной» и «сознательной» организацией, Ф. Хайек отдаёт предпочтение первой и делает ещё один фундаментальный вывод, востребованный нынешним экономическим мейнстримом: «если мы будем следовать спонтанно складывающимся нравственным традициям, лежащим в основе конкурентного рыночного порядка... то мы станем производить и накапливать больше знаний и богатства, чем возможно добыть и использовать в централизованно управляемой экономике, приверженцы коей претендуют на строгое следование “разуму”» Подчеркнём, что Хайек понимает «разум» особым образом: «Выступая против *высокомерия* разума, свойственного социалистам, я ни в коей мере не возражаю против разума, применяемого должным образом» [28, с. 18]. Поэтому не будем упрощать мысль этого экономиста, приписывая ему любовь к «отсутствию разума», т.е. к «безумию». Хайек ценит разум, но этот разум базируется на порядке, возникающем спонтанно, независимо от чьего бы то ни было замысла.

Каким же образом Хайек аргументирует свой вывод? Он считает, что «порядок, возникающий независимо от чьего бы то ни было замысла [т.е. рыночный порядок – *И.Н.*], может намного превосходить сознательно вырабатываемые людьми планы (т.е. государственное регулирование – *И.Н.*)». Отсюда, по Хайеку, следует, что рынок – более прогрессивный, а нерынок – более отсталый. По мнению Ф. Хайека, если человечество хочет достичь прогресса, построить высокотехнологичное современное общество, то это возможно сделать только с помощью рынка. Из этого утверждения следует превосходство рыночного порядка, а именно – превосходство рынка как идеи. Здесь же Хайек добавляет, что «цели социализма фактически недостижимы, и программы его невыполнимы; к тому же оказывается, что в действительности они несостоятельны ещё и логически» [28, с. 17]. По Хайеку, именно рынок является тем механизмом, который успешно осуществляет выявление, использование и координацию знаний миллионов независимых друг от друга людей. Это ещё одна из его идей, подхваченных современным мейнстримом.

Хайек противопоставляет спонтанное начало сознательному («разуму»). При этом он отказывает «разуму» в способности совершенствовать нормы и институты и делает ещё один фундаментальный вывод, также взятый на вооружение нынешним экономическим мейнстримом: построенная на основе «разума» система морали (например, социализм) «претендует на то, чего она совершить попросту не в состоянии», т.е. этой системе «не под силу справиться с задачей генерирования новых знаний».

Для обоснования своей мысли Хайек обращается к философскому наследию Д. Юма: «Отправной точкой моего исследования вполне могло бы служить пронизательное замечание Д. Юма о том, что “правила морали... не являются заключениями нашего разума”» [27, с. 19–20]. По мнению Хайека, замечание Юма «будет играть главную роль... потому что в нём сформулирован основной вопрос, ответ на который я пытаюсь дать в этой своей работе, а именно: *как возникает наша мораль и какое воздействие на экономическую и политиче-*

скую жизнь оказывает сам способ, каким она обретает существование?» (курсив Хайека – *И.Н.*) [27, с. 20].

За приведёнными выше цитатами стоит целое мировоззрение, взятое на вооружение Ф. Хайеком и пропитавшее не только всё его творчество, но и весь современный экономический мейнстрим. Можно утверждать, что именно Юм является философским глашатаем рыночного порядка. «С помощью» Юма Хайек обосновывает идею превосходства рынка. Вот почему для того, чтобы показать несостоятельность выводов Ф. Хайека, необходимо разобраться в процитированной выше мысли Д. Юма.

Зачем Ф. Хайеку понадобилась концепция Д. Юма о «слабости разума»?

Концепции «рассеянного знания» и «спонтанного порядка» выстроены на философской идее «слабости разума». Данная концепция появилась около двух-трёх столетий назад в качестве своеобразной реакции на идеи рационализма (в частности, на идеи эпохи Просвещения): если рационалисты превозносили Разум, то критики рационализма типа Д. Юма, обвиняли Разум в порче человеческой природы. Однако критика Разума велась не только в прошлом, в частности, на Разум «нападал» и Ф. Хайек, она ведётся и в наши дни.

Отправной точкой доказательства Хайека послужило «проницательное», на его взгляд, замечание Д. Юма о том, что «правила морали... не являются заключениями нашего разума» [40, с.604]. В пересказе на обычный язык это значит, что все нравственные ценности человечества взяты извне, а участие людей в их формировании вторично.

Хайек перевел эту максиму на язык экономической теории следующим образом: экономический порядок не является плодом усилий нашего разума (здесь под «разумом» Хайек имеет в виду централизованное планирование, государственное регулирование и прочие нерыночные методы). По Хайеку «плодотворным» является лишь то знание, которое существует в виде рассеянных частиц и выявить которое можно лишь с помощью рынка и конкуренции; знание же, которое «дано какому-то одному уму (имеются в виду планирующие органы типа Госплана – *И.Н.*), сознательно решающему проблему», является, по мнению Хайека, «бесплодным» [27, с. 94].

Итак, центральным пунктом философии Хайека является эта точка зрения Юма. Сам Хайек признаёт: «Замечание Юма будет играть главную роль... потому что в нём сформулирован основной вопрос, ответ на который я пытаюсь дать... а именно: как возникает наша мораль и какое воздействие на экономическую и политическую жизнь оказывает сам способ, каким она обретает существование?» [28, с. 20] Заметим, что Хайек не отказывает разуму «в способности совершенствовать нормы и институты», однако построенная на основе разума система морали, по мнению Хайека, несостоятельна, так как она «претендует на способность совершить то, чего она совершить попросту не в состоянии, ей не под силу справляться с задачами генерирования новых знаний» [28, с. 19]. Отсюда Ф. Хайек делает вывод: порождать принципиально новые знания может лишь рыночная экономика.

Почему же идея Юма важна для Хайека настолько, что ему пришлось глубоко погрузиться в философию? Основной причиной, по признанию самого

Хайека, явилось желание обосновать рыночный капитализм. По его мнению, самым эффективным общественным строем является тот, который лучше всего использует рассеянное знание – а таковым, на его взгляд, является только капитализм. Далее, Хайек утверждает: «...мы вынуждены сохранять капитализм, поскольку он обладает наивысшей способностью использовать рассеянное знание...» [28, с. 20]. И далее он ставит перед собой задачу «показать, что социализм – одно из наиболее влиятельных политических движений нашего времени – основывается на явно ложных посылах» [28, с. 21].

Мы видим, что взгляды Д. Юма имеют первостепенное значение и для оправдания капитализма. Опираясь на Д. Юма, Хайек пытается доказать, что только рынок способен генерировать новые знания. Ввиду своей исключительной важности, замечание Д. Юма о том, что «правила морали... не являются заключениями нашего разума», требует подробного разбора. Однако мы начнём с анализа концепции «слабости разума».

Сущность концепции Д. Юма о «слабости разума»

Основные положения концепции о «слабости разума» изложены Д. Юмом в двух его сочинениях: «Трактат о человеческой природе» (1739 г.) и «Исследование о человеческом познании» (1748 г.). Проследим за логикой Д. Юма (при этом мы будем стараться избегать философского жаргона, который лишь запутывает сущность дела, тем более что мы не ставим своей целью разбор философского учения Д. Юма – на этот счёт существует обширная литература – а рассмотрим лишь те мысли, которые попали из философии Юма в экономические воззрения Хайека).

Отвлечемся на время от научного стиля и представим сначала в образной форме смысл сказанного Юмом. В цистерну по огромному числу труб вливаются разные жидкости. Внутри цистерны вмонтировано устройство, которое все эти потоки соединяет, разделяет, перемещает, увеличивает или уменьшает, смешивает в разных пропорциях, а затем по выходящим трубам выливает. Если перевести этот образ на язык философии Юма, то цистерна – это человек, вливающиеся струи – впечатления, а механизм внутри цистерны – разум. Какой вывод можно сделать из этой схемы? Механизму внутри цистерны – разуму – отведена лишь вспомогательная роль, заключающаяся в том, чтобы регулировать потоки, не более.

Если использовать другую аналогию, то разум (по Юму) можно сравнить с магнитофоном, который лишь воспроизводит записанную мелодию, но не создаёт её. «Весь материал мышления доставляется нам внешними или внутренними чувствами, и только смешение или соединение его есть дело ума и воли» [36, с. 24]. Отсюда вытекает идея «слабости разума».

Отношение Юма к разуму противоречиво. С одной стороны – говорит Юм – разуму доступно всё; однако, с другой стороны, разум ограничен очень тесными пределами, так как вся творческая сила его «сводится лишь к способности соединять, перемещать, увеличивать или уменьшать» материал, доставляемый нам чувствами и опытом. Отсюда по Юму следует, что привходящие чувства намного более важны, чем обрабатывающий их орган (разум). С моралью, – продолжает Д. Юм, – происходит то же самое: правила морали не могут быть порождены разумом. По Юму, правила морали человек не соз-

даёт сам, а как бы «вылавливает» из окружающей человека среды; все человеческие представления о морали и нравственности «живут» в окружающей среде, а человек их оттуда всего лишь «добывает».

Эту идею Д. Юма Хайек перенёс в экономическую теорию. Устройство экономики, при котором разум лишь «вылавливает» сигналы извне и обрабатывает их, но не приносит ничего своего, заложено в философских основах современного мейнстрима, представители которого считают, что все наиболее значимые и выдающиеся достижения человеческой цивилизации возникли лишь в результате спонтанного порядка, т.е. в результате действия рыночных сил и конкуренции.

Этот вывод сторонники мейнстрима абсолютизируют, считая его единственно верным. Однако это их утверждение несостоятельно.

(Продолжение следует)

Список литературы

1. *Богомолов О.* Взаимовлияние глобального кризиса и общественно-политической мысли // *Мировая экономика и международные отношения.* 2011. № 1. С. 86–90.
2. *Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X* // Полное собрание сочинений Чернышевского. Т. IV. СПб., 1906 / Типография и литография В.А. Тиханова. С. 156–157.
3. *Будущее институциональной теории (круглый стол ГУ – ВШЭ)* // *Вопросы экономики.* 2009. № 1.
4. *Бузгалин А.В.* Социальная философия XXI в.: ренессанс марксизма? // *Вопросы философии.* 2011. № 3. С. 36–47.
5. *Вайнберг С.* Мечты об окончательной теории: физика в поисках самых фундаментальных законов природы. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
6. *Дейкин А.И.* Обама меняет мейнстрим (реформирование американской системы государственного финансового регулирования) // *США ♦ Канада.* 2011. № 3. С. 65–78.
7. *Заостровцев А.* Экономическая мысль: разнообразие концепций и сфер применения // *Экономическая политика.* 2011. № 2. С. 200–204.
8. *Иванова Н.И.* Национальные инновационные системы. М.: Наука, 2002. 244 с.
9. *Иншаков О., Фролов Д.* Эволюционная перспектива экономического институционализма // *Вопросы экономики.* 2010. № 9.
10. *Князев Ю.* Воздействие глобального кризиса на экономическую теорию и практику // *Общество и экономика.* 2011. № 2. С. 21–60.
11. *Коландер Д.* и др. Финансовый кризис и провалы современной экономической науки // *Вопросы экономики.* 2010. № 6. С. 10.
12. *Лавин Т.* В защиту американского неопрагматизма // *Прагматический натурализм в американской философии / Составитель П. Куртц.* М.: Российское гуманистическое общество, 2003. 104 с.
13. *Лангер С.* Философия в новом ключе. М.: Республика, 2000. 287 с.
14. *Московский А.* Институционализм: теория, основа принятия решений, метод критики // *Вопросы экономики.* 2009. № 3. С. 110.
15. *Московский А.* Почему студенты Гарварда против лекций Г. Мэнкью? // *Экономист.* 2012. № 1. С. 74–82).
16. *Мясникова Л.* От глобального кризиса к катастрофе миросистемы // *Мировая экономика и международные отношения.* 2011. № 2. С. 100–108.
17. *Ногаев И.* Экономический прагматизм Джона Гэлбрейта // *США ♦ Канада.* 2008. № 10. С. 77–90.
18. *Палажченко П.Р.* Мой несистематический словарь (из записной книжки переводчика). М.: Валент, 2004. 303 с.

19. *Полтерович В.М.* Становление общего социального анализа // *Общественные науки и современность*. 2011. № 2. С. 101–111.
20. *Попов В.* Некорректности экономических теорий // *Общество и экономика*. 2011. № 1. С. 5–12.
21. *Попов Е., Сергеев А.* Современный российский институционализм: к продолжению дискуссии // *Вопросы экономики*. 2010. № 2.
22. *Раскова Д.* Риторика новой институциональной экономической теории // *Вопросы экономики*. 2010. № 5.
23. *Сен А.* Адам Смит и современность // *Вопросы экономики*. 2011. № 11. С. 25–37.
24. *Серл Дж.* Что такое институт? // *Вопросы экономики*, 2007. № 8. С. 5–27.
25. *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Меняющаяся социальность: будущее капитализма // *Вопросы философии*. 2011. № 6. С. 3–16.
26. *Хазин М.* Интервью
(<http://www.echo.msk.ru/programs/creditworthiness/562422-echo/#element.text>)
27. *Хайек фон Ф.А.* Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2011. 218 с.
28. *Хайек фон Ф.А.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости, Catallaхu, 1992. 304 с.
29. *Харви Д.* Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М.: Поколение, 2007. 288 с.
30. *Хинтиikka Я.* Философские исследования: проблемы и перспективы // *Вопросы философии*. 2011. № 7. С.3–17.
31. *Худокормов А.* Современная экономическая теория Запада (обзор основных тенденций) // *Вопросы экономики*. 2008. № 6. С. 41–42.
32. *Шерстнев М.* Экономическая наука и экономическая политика: влияние мирового экономического кризиса // *Общество и экономика*. 2011. № 7. С.131–142.
33. *Шерстнев М.* Экономический кризис и судьба рыночного мейнстрима // *Экономист*. 2011. № 9. С. 73–80.
34. *Широнин В.* Институты и инновации: взгляд когнитивной науки // *Вопросы экономики*. 2010. № 5. С. 43.
35. *Шлезингер А.* Циклы американской истории. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 688 с.
36. *Юм Д.* Исследование о человеческом разумении. М.: Прогресс, 1995. 80 с.
37. *Юм Д.* Сочинения. В 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1965. 847 с.
38. *Bouchaud J.-P.* Economics Needs a Scientific Revolution // *Nature*. Vol. 455. 30.10.2008. P. 1181.
39. Forum (<http://forum-msk.org/material/news/7730342.html>).
40. *Fox J.* What Would Adam Smith Say? // *Time*. 5.04.2010.
41. *Fukuyama F.* The Future of History // *Foreign Affairs*. 2012. No. 1.
42. Inovosti: Europe (<http://inosmi.ru/europe/20111128/178621730.html>);
<http://inosmi.ru/world/20050504/219376.html>;
<http://inosmi.ru/europe/20120706/194575698.html>).
43. Interview Eric Maskin (<http://thebrowser.com/interviews/eric-maskin-on-economic-theory-and-financial-crisis?page=2>).
44. *Norman B.* The Tradition of Spontaneous Order // *Literature of Liberty*. Arlington (VA): Institute for Humane Studies, 1982. Vol. V. No. 2. P. 7-58
(<http://www.econlib.org/library/Essays/LtrLbrty/bryTSO.html>).
45. *Skidelsky R.* Keynes: The Return of the Master. London, Allen Lane and Cambridge (MA): Public Affairs, 2009. 214 p.
46. The New York Times.